Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов!

Цена номера 3 коп.

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН
ЦК и МК ВЛКСМ
1 января 1939 г., воскресенье
№ 1 (2171)

Перед нами лежат широкие, полные радости, пути

Сегодняшний номер мы начинаем с новогодних пожеланий. Но пожеланий так много, что, если записать все, нехватило бы места в газете,— разве что она была бы длиною в целый километр.

В нашей счастливой стране все хорошие желания выполнимы. Пути перед нами лежат широкие и полные радости. Выбирай любой! Достигнуть цели тебе помогут и школа, и твои учителя, и твой пионерский отряд. Детские библиотеки, кружки, музеи, катки — все для ребят. Дома колхозных ребят и дворцы пионеров широко раскрывают нам свои двери. Ничего нет недоступного для ребят, согретых сталинской заботой. А если все выполнимо, то и хороших пожеланий могут быть сотни и тысячи. Выберем самые главные.

Вот они:

Чтобы ребята дружили с коньками и лыжами, с солнцем, водой и зеленым лесом (ведь и в новом году будет не только зима!).

Чтобы в дневнике каждого школьника жило много хороших и отличных отметок.

Чтобы побольше хороших книг прочитал каждый из вас.

Чтобы крепкая, горячая дружба связала ребят в каждом звене и отряде.

Чтобы юные снайперы били без промаха по мишеням.

Чтобы ловкими и закаленными стали юные моряки.

Чтобы сотни тысяч новых гранатометчиков, собаководов, ворошиловских всадников появились в школах и отрядах. Чтобы на вопрос «Готов ли ты к защите родины?» каждый школьник и пионер мог ответить: «Готов!»

И главнейшее из самых главных новогодних пожеланий:

— Еще крепче и горячей любите нашу замечательную родину, нашу великую коммунистическую партию, нашего лучшего друга, учителя и вождя товарища Сталина.

С НОВЫМ СЧАСТЛИВЫМ ГОДОМ, РЕБЯТА!

Рисунок Л. СМЕХОВА

ЖЕЛАЕМ ВАМ ОТЛИЧНОЙ УЧЕБЫ И ВЕСЕЛЫХ КАНИКУЛ

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТВАЖНЫХ ПОЛЯРНИКОВ

(Радиограмма с «Седова»)

Москва.

«ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА»

Встречая новый, 1939, год среди льдов Полярного бассейна и Арктики, экипаж ледокольного парохода «Седов» шлет свой привет, новогодние поздравления пионерам и школьникам нашей дорогой родины.

Желаем вам веселых каникул, отличной учебы, здоровья, бодрости, счастливой, радостной жизни. Уверены, что вы будете достойной сменой, честными советскими патриотами, борцами за дело социализма.

Капитан «Седова»
БАДИГИН.

НА ДЕРЕВНЮ ДЕДУШКЕ

Ванька Жуков глубоко вздохнул, обмакнул перо и написал на конверте: «На деревню дедушке [illegible]». Вверте с таким странным адресом было письмо Ваньки Жукова, в котором он рассказывал о своей тяжелой жизни, о побоях и обидах, которые он терпел от своего хозяина — сапожника Аляхина. Он писал письмо украдкой, когда хозяева ушли в церковь, накануне нового года.

Под новый год я вспомнил этот рассказ А. П. Чехова и тоже написал своему дедушке письмо. Вот оно:

«Здравствуй, дорогой дедушка! Поздравляю тебя с новым годом! Я учусь в шестом классе, отметки у меня только «отлично» и «хорошо». Недавно я сдал нормы на значок «ПВХО». Папа к елке купил мне маску. Когда я ее надену, меня ни за что не узнаешь: я в ней похож на сову.

Когда папа летом вернулся из отпуска, он мне рассказывал, какая у вас жизнь в деревне. Я очень рад, что у вас теперь прямо через деревню проходит новая шоссейная дорога и что у вас на месте старых кулацких построек большие колхозные конюшни выстроены. Мне очень хочется все это самому посмотреть.

Вот сейчас начинаются каникулы, и я обязательно приеду к тебе погостить. Когда приеду, расскажу тебе о нашей школьной елке. У нас было много хлопот, пока мы к ней готовились. Зато елка вышла замечательная.

Ну, до свидания. Передай привет ребятам — Пете, Андрею, Степе, Коле и всем, всем. Еще раз поздравляю вас всех с новым годом.

Целую крепко.

Твой внук ВОЛОДЯ».

Я взял конверт, вспомнил еще раз Ваньку Жукова и написал, как он: «На деревню дедушке Николаю Никифоровичу». А потом все же прибавил точный почтовый адрес.

ВОЛОДЯ БУРЛЯЕВ.

Воронежская область,
город Бобров.

ПРО ДЕДА-МОРОЗА

Стихи
Я. ХЕЛЕМСКОГО

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Н. А. НЕКРАСОВ.

◇ ◇ ◇

Затейливым тонким узором
Снежинки примерзли к окну.
Мороз новогодним дозором
Обходит родную страну.

Идет он, большой и косматый,
До самых колен борода,
Облеплена снегом, как ватой,
Украшена блестками льда.

Глядит он, везде ли веселье,
Повсюду ли звезды горят,
Везде ли пахучие ели
Одели богатый наряд.

Трещат на березах сороки,
И белки бегут по ветвям.
И путь перед дедом широкий
Простерся по чистым снегам.

Старик не по возрасту зорок
И видит он, как вдалеке
Спускаются лыжники с горок,
Летят конькобежцы к реке.

И видит он в каждом поселке
Цветистых фонариков рой,
Нарядные стройные елки
Блестят золотой мишурой.

От дальних застав до столицы,
Повсюду огни зажжены,
У елок поет и резвится
Веселое детство страны.

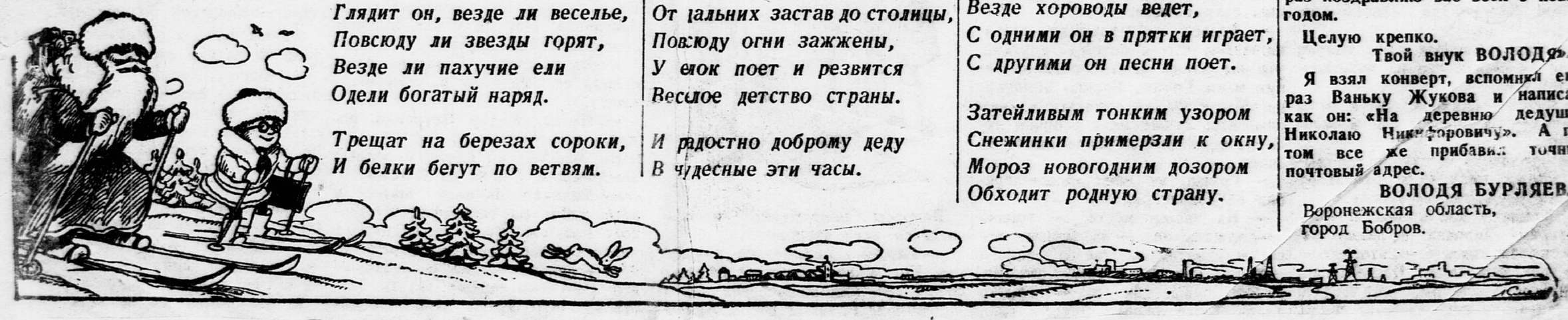
И радостно доброму деду
В чудесные эти часы.
Идет он по лыжному следу
И тихо смеется в усы.

Осыпанный мелкой порошей,
В сенях отряхаясь с трудом,
Он входит с улыбкой хорошей
В большой или маленький дом.

Зайдет он в просторную школу,
В огромные залы дворца,
И выдумкам деда веселым
И шуткам не будет конца.

Везде он ребят собирает,
Везде хороводы ведет,
С одними он в прятки играет,
С другими он песни поет.

Затейливым тонким узором
Снежинки примерзли к окну,
Мороз новогодним дозором
Обходит родную страну.



ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД

Новогодние сообщения

ПОД НОВЫЙ ГОД МЫ РАСКРЫЛИ ПОЖЕЛТЕВШИЕ ЛИСТЫ СТАРЫХ ГАЗЕТ. 25 ЛЕТ НАЗАД, 1 ЯНВАРЯ 1914 ГОДА, МАЛЬЧИШКИ-ГАЗЕТЧИКИ ПРОДАВАЛИ ИХ НА УЛИЦЕ. ПРОХОЖИЙ ПОСПЕШНО РАЗВЕРТЫВАЛ ЛИСТ И ПРОБЕГАЛ ГЛАЗАМИ ПО СТРОКАМ НОВОГОДНИХ СООБЩЕНИЙ.

ВОТ ЧТО ОН НАХОДИЛ.

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

МЕТРОПОЛЬ

СРЕДА 1 ЯНВАРЯ 1914 г. МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ №1 ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО

Громадный зал переполнен. Здесь виднейшие представители аристократической и промышленной Москвы.

Здесь Морозовы, Рябушинские, Грибовы, Поповы. Целый полк офицеров лейб-гвардии уланского полка.

Всюду цветы.

Доминируют розы. Оркестр играет что-то победное.

Метрополь в этом году пустил в обращение не меньше тысячи бутылок.

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХ НАРЯДОВ

ПУТЬ ПРАВДЫ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

Мастерская считается у нас первой по количеству рабочих. Рабочий день — 12 часов. Жалования мало. Санитарные условия ужасные. 33 человека работают в одной небольшой комнате в два окна. В этой же комнате гладят. Вентиляции нет никакой, поэтому приходится целый день дышать спертым, чадным воздухом. От этого у рабочих головная боль и даже случаются обмороки. О вежливом обращении не может быть и речи.

Москва, 1 января

СРЕДА 1 ЯНВАРЯ 1914 г. МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ №1 ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО

Оглядываясь на прожитый год в области внутренней политики, приходится прежде всего отметить нарастание оппозиционного настроения в обществе... В русском обществе к концу 1913 года не оказалось ни одной политической партии, на которую правительство могло бы указать со словами: «Вот это наша опора, вот они нас понимают и в нас верят».

Трудовая Копѣйка.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ФАБРИКЕ ФЕРМАНА НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ

Положение на фабрике неопределенное. Все рабочие выселены из фабричных квартир. Работа приостановлена. Большинство рабочих раз'ехалось по деревням.

25 ЛЕТ СПУСТЯ

Новогодние сообщения

ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАША СТРАНА ШАГНУЛА ДАЛЕКО ВПЕРЕД. И ВСЕ ПОТОМУ, ЧТО ДВАДЦАТЬ ОДИН ГОД ИЗ ЭТИХ ДВАДЦАТИ ПЯТИ — СОВЕТСКИЕ ГОДЫ! ВОТ СЕГОДНЯШНИЕ СООБЩЕНИЯ — ОБЫЧНЫЕ НОВОСТИ НАШИХ ГАЗЕТ. КАКАЯ ГЛУБОКАЯ ПРОПАСТЬ МЕЖДУ СТАРЫМ И НОВЫМ, МЕЖДУ КАПИТАЛИЗМОМ И СОЦИАЛИЗМОМ!

В ПАРОВОЗНОЙ БУДКЕ

Несколько месяцев назад организовалась первая женская паровозная бригада Зинаиды Троицкой. Но теперь на паровозах работает уже много женщин. Недавно организовалась женская бригада в депо Лубны. В бригаде кочегаром работает Маруся Кочура.

Когда-то профессия кочегара была самой грязной, и кочегаров звали чумазыми. Но про наших кочегаров так не скажешь. У Маруси Кочуры в будке на паровозе, как в комнате,— висят гардины, стоит умывальник, зеркало. Все начищено и блестит.

Великое торжество

СЕГОДНЯ БССР ПРАЗДНУЕТ СВОЙ 20-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

Радостные дни переживает сейчас одна из одиннадцати братских республик нашей родины. Белорусской ССР исполняется 20 лет.

Вся республика встречает этот славный юбилей подарками. Фабрика «Красный Октябрь» перевыполнила свой годовой план.

В Минском музее революции устроена выставка. Там показано, как жили белоруссы до революции и каких успехов добился за 20 лет сплоченный вокруг партии Ленина — Сталина белорусский народ.

В СВОЕМ ДВОРЦЕ

Рабочие и служащие автозавода имени Сталина встречали вчера новый год в своем Дворце культуры.

Сказочно выглядели нарядные залы. В зимнем саду били фонтаны.

На встрече нового года было свыше 5.000 человек. Среди них — известный инструктор по штампам стахановец орденоносец Оленев, мастер механосборочного цеха депутат Верховного Совета РСФСР Федорова. Торжество закончилось на рассвете. Многие раз'езжались по домам в собственных машинах.

НА ВОЛЖСКОМ ОТКОСЕ

Правый берег Волги — самое красивое место в Горьком. Здесь на откосе до революции жили в особняках нефтяной король Сироткин, пароходчики братья Каменские.

Теперь в особняках художественный и исторический музеи. А рядом выросли высокие дома, где живут рабочие и служащие.

Недавно отстроен здесь еще один дом. В светлых, благоустроенных квартирах встретили новый год 55 семейств рабочих-стахановцев, специалистов и служащих 2-й швейной фабрики, Электрозавода, фабрики имени Клары Цеткин

ПУТЬ ПРАВДЫ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

МАЛЬЧИКИ

Нелегка жизнь взрослых рабочих, а у мальчиков она еще тяжелее. Нанимают их с 12 лет, а часто и моложе (10—11 лет). Хотя рабочий день мальчиков тоже числится 8 часов, но им в действительности приходится работать больше... Жалование мальчиков помесячно — от 6 до 10 рублей. Работают они все время на ногах... Обращение с мальчиками грубое... Часто бьют мальчиков.

СОНЯ И ВЕРА

У Сони Христолюбовой и Веры Комиссаровой умерли родители, и девушки остались одни. Но они жили в Советской стране, и им ничего страшного не могло грозить.

На фабрике «Красное знамя» в Ленинграде им дали уютную, хорошо обставленную комнату в общежитии. Работницы отнеслись к ним ласково и заботливо. Они взяли над девушками шефство: над Верой — чулочницы, а над Соней — трикотажницы, и стали их учить работать.

Теперь Соня и Вера — квалифицированные передовые стахановки фабрики. Обе они учатся. Вера пишет стихи и печатает их в заводской газете. Соня участвует в клубной художественной самодеятельности.

ЕЛКА ДЛЯ ДЕТЕЙ БЕДНЯКОВ

СРЕДА 1 ЯНВАРЯ 1914 г. МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ №1 ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО

Рогожское попечительство о бедных 1-го и 2-го участка, по примеру прошлых лет, устраивает 4 января большую елку для детей самых беднейших родителей местного района. На елку собирается детвора из подвалов и углов, обыкновенно не видящая никаких радостей жизни, и попечительская елка внесет в жизнь заброшенных судьбою малюток много тепла и света. Елку детишки нетерпеливо ждут, о ней много говорят... Желающих своей посильной лептой доставить бедным деткам радость просят направлять свои пожертвования по адресу: «Канцелярия попечительства, С'езжий переулок, дом 6».

ЕЛКА В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

Колонны, перила лестниц—все запорошено снегом. А посреди этого снежного царства, устроенного из ваты, тысячами огней светится елка-великан.

У этой елки в Колонном зале собралось вчера более полутора тысяч московских школьников. Они слушали здесь волшебные сказки снегурочки, хохотали над веселыми шутками клоунов. Потом вышел дед-мороз, поздравил ребят с новым годом и всем роздал подарки.

Неожиданный гость

ОНА пришла в редакцию «Пионерской правды» в ночь под новый год. Редакционные работники собирались домой, когда дверь комнаты открылась и на пороге показалась девочка лет 13 в меховой шапке с ушами, в валенках и длинной до полу меховой шубе.

Нос ее был приплюснут так, как будто она долго смотрела через окно, прижавшись носом к стеклу. Даже белое пятнышко было на его кончике.

Она сняла шапку, и над девочкиными ушами мгновенно взвились, как на пружинах, две косички в форме вопросительных знаков, перевернутых вниз головой.

— Вот я и пришла! — сказала она весело, как будто ее давно ждали.— Ух, и холодище же, товарищи! Мой Федя совсем замерз...

Девочка вытащила из-за пазухи ежа и положила его на пол, возле своих ног.

— Федя, — наклонилась к нему девочка,— ты пошел бы к отоплению...

Еж деловито застучал твердыми лапами, подполз к радиатору и растянулся, как на пляже.

— А мне у вас нравится! — затараторила девочка, не давая никому слова сказать. — Это что — пишущие машинки? Какой громадный несгораемый шкаф! Он действительно несгораемый? Федя, посмотри, какой шкаф!

Воспользовавшись паузой, секретарь редакции спросил:

— А ты кто такая? И почему ты так поздно пришла? Зачем ты носишь ежа?

— Очень много вопросов сразу, — ответила девочка. — Но это ничего, я привыкла: мне можно задавать сорок три вопроса подряд, и я отвечу по порядку... Меня за это ребята в школе любят... Первый вопрос: зачем я ношу ежа...

— Это был третий вопрос, — поправил ее один из редакционных сотрудников.

— Разве? — удивилась девочка. — Ну, это я потому спутала, что вы очень мало спросили. Зовут меня Груша. Груша Яблочкина. Мы с Федей пришли к вам помогать: лучше меня ребячьи дела на всем земном шаре никто не знает...

— Груша, не хвастайся!—перебил ее секретарь.

— На вашем месте, — горячо продолжала она, — на вашем месте я ухватилась бы за такого знатока, как я, обеими руками. Такая Груша, как я, — просто клад! Я все знаю!

— Опять хвастаешься! — сказал секретарь и обратился к своим товарищам. — Хотя мы и очень торопимся, но эту Грушу надо проучить! Давайте зададим ей сорок три вопроса. Она обязательно провалится.

Вопросы немедленно посыпались со всех сторон:

— Сколько километров до луны? Где живут папуасы? Сколько будет 784, умноженное на 342 с половиной? Главный город Армянской республики? Что такое глагол? Из чего делается асфальт? В каком ухе звенит? Кто изобрел бумагу?

— Хватит с нее,—поднял руку секретарь.—Отвечай!

— Все? — удивилась она. — Пожалуйста! 384 тысячи км. В Новой Гвинее. 268.520. Ереван. Слова, обозначающие действие. Из нефти. В левом. Китайцы.

— Сдаемся,—хором сказали редакционные работники.

— То-то же...

— А теперь я вам покажу Федю, он у меня тоже очень ученый. Вчера я ему по географии «хор» поставила. Нет ли у вас большой географической карты?

Карта нашлась. Девочка разостлала ее по полу и подозвала ежа:

— Ну-ка, Федор Петрович, покажи нам Англию.

Еж забегал по карте, переплыл Ла-Манш и улегся на Англии.

— Видите? В моей школе у всех ребят по географии «отлично». Раз уж Федя ее на «хор» знает, то им стыдно знать меньше.

— Хорошо,—сказал секретарь,— это все очень хорошо. Но ты хвасталась, что лучше тебя школьников никто не знает. Посмотрим. Чем знаменит 4-й класс 213-й школы в Ростове?

— Стрельбой из рогаток! У них даже все чулки спущены — они резинки на рогатки выдернули. Мы туда с Федей ездили. Он залезет в парту, зацепит иголками рогатку и ко мне. Так мы все их и отобрали. А потом я говорю: «Если даже мой еж понимает, что это хулиганство, то вам и подавно стыдно».

— Правильно! А чем славится 6-й класс Козелковской школы?

— Подсказыванием на уроках! — быстро ответила Груша. — Знаки препинания подсказывают. Раз чихнул — запятая. Два чихнул — точка. А преподавательница русского языка очень беспокоится: как контрольная, так класс простужен — чихают много.

— Верно! — удивился секретарь. — Вопросов больше нет.

Груша надела рукавички, спрятала за пазуху ежа и сказала:

— Значит, если к вам будут приходить письма: «Пионерская правда», Груше Яблочкиной», откладывайте для меня. Только я на научные вопросы отвечать не буду. А о ребячьих делах—пожалуйста! Это мне интереснее...

Она посмотрела на стенные часы и схватилась за голову:

— Ой-ой-ой! Я на елку на целый год опоздала: обещала притти в 1938 году, а приду в 1939-м.

И она помчалась во весь дух по лестнице.

СЕДОЙ, длиннобородый старик готовится в путь. Он собирает в большой мешок свои вещи, поглядывая на часы. Стрелки сошлись на двенадцати. Дверь открылась, и на пороге стоит маленький мальчик, по-хозяйски осматривающий комнату.

Такие картинки появлялись в старых газетах и журналах 1 января каждого года. Старик с мешком изображал уходящий старый год. В мешке у него, как рассказывалось об этом под картинкой, были всякие неприятности. Вообще в те времена с каждым уходящим годом прощались совсем неласково. Никогда для него не находилось доброго слова, и выпроваживали его с одной мыслью:

— Проваливал бы ты поскорее, постылый старик! Ничего-то приятного мы от тебя не дождались. Может быть, новый год принесет нам что-нибудь хорошее.

Но проходил год, и тот розовощекий малыш, который стоял тогда на пороге, задорно поблескивая глазами, превращался в такого же старика. И снова никто не провожал его по-хорошему. Да и не за что было.

Первый год, который не успел состариться за свои 365 дней, был год 1917-й.

О, его-то уж никак нельзя было нарисовать стариком! На голове у него была матросская фуражка. Лицо было красное от морозного ветра. Пулеметные ленты перекрещивались на груди, а в руках он сжимал винтовку.

На прощанье люди крепко пожимали ему руку и говорили:

— Спасибо! Ты был самым славным из всех годов, какие мы знали. И твой Октябрь запомнил весь мир навеки!

С того самого времени старый, уходящий, год перестал забирать с собой в дорогу мешок со своими пожитками. Мы не возвращаем ему ничего из того, что он нам приносит. Мы хотим все, до самой последней мелочи, оставить в своей памяти. Все, что сделано нами за год, нам дорого.

— Прощай! — говорим мы каждому уходящему году.—Ты тоже был славный год. Ты принес нам много радостей, и мы тебя никогда не забудем.

А малыша, который стоит на пороге, мы встречаем приветливой улыбкой:

— Входи, дорогой! Ведь мы знаем, что ты будешь еще лучше, еще веселей и счастливей.

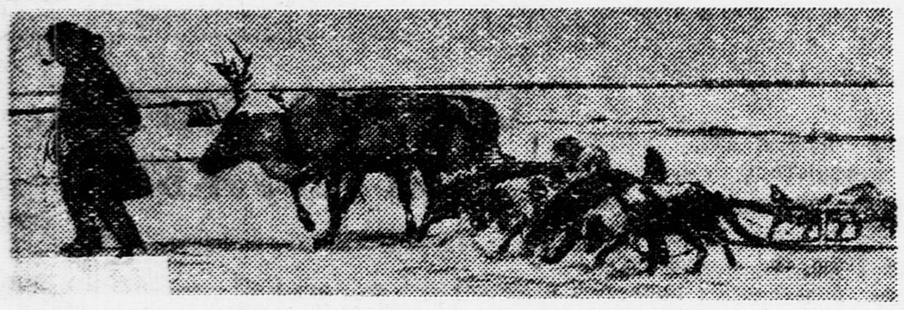
...Пройдет целых одиннадцать часов, пока этот малыш прошагает по всей большой советской земле, с востока на запад. Ведь когда он показывается у Чукотского берега, то в Белоруссии и на Украине время лишь недавно перевалило за полдень, и на старых календарях еще не сорван последний листок: 31 декабря.

Чего-чего только не встретит новый год на своем длинном пути.

А следом за ним шагают первые часы 1939 года, восходит солнце, наступает утро 1 января.

Попробуем представить себе, что осветит солнце в новогоднее утро, поднимаясь над нашей страной от Берингова пролива до пограничных столбов на западной границе.

Наукан



На Чукотке часы пробили девять. Все уже давным-давно поздравляли друг друга с новым годом. А в Москве еще не кончился 1938 год. Было лишь одиннадцать часов вечера, и люди торопились на встречу наступающего 1939 года.

В Наукане чукчи уже вышли на лов. Они ловят навагу, опуская в прорубь лесу из китового уса. За лесой нужно глядеть в оба. Да еще не забывай следить и за прорубью: она покрывается тонким льдом, и его нужно то и дело вылавливать ситом.

Возвращаются на берег охотники, ходившие на нерпу, тащат на ременных привязях убитых зверей.

Дома в Наукане круглые, из моржовых шкур, растянутых на жердях. Эти дома зовутся ярангами, в них жарко, и охотники спешат туда, к своим очагам.

Убитые нерпы и пойманная навага показывают, что науканские чукчи начали выполнять ловецкий план 1939 года.

Стойбище Гвасига

Островерхие сопки, поросшие густым лесом... Река Хор, скованная крепким зимним льдом... Здесь, у истоков этой реки, живет и охотится народ удеге.

Пушистый снег заметает стойбище Гвасигу. Новый год — новый снег. Коле Кялундзига вышел из дому. Это настоящий дом. А раньше народ удеге жил в юртах из коры и жердей.

Коле Кялундзига — в нарядной расшитой куртке, в теплых кожаных рукавицах, в мягких сапогах. Он поет песенку. Когда весело, песенка складывается сама. Коле поет о том, как он охотился в последний день старого года;

...Шел я по следу, увидел нору,
Около норы — белую зверушку.
Белая зверушка, а хвост черный.
Поймал ее, побежал домой.
— Какой это зверь? — спрашиваю я.
— Хороший зверь, — говорит бабушка.
— Это горностай, — говорит мама.
Вот, я убил первого горностая!
Я видел изюбря, горностая,
Я видел живого кабана, живого медведя.
Сейчас я ничего не боюсь
И не буду бояться!
Я буду смелым охотником.

Высота Заозерная

Над вершиной каменистой сопки полощется алый флаг.

О флаге этом и об этой сопке советский народ сложил уже песни. В одной из них поется:

Ты напрасно, ворон черный,
Над страной советской взмыл:
Вмиг тебя над Заозерной
Красный снайпер подстрелил.

Сопка Заозерная — священное имя для всякого из нас. Она всегда напоминает нам о том, что советские рубежи неприступны и что никакой враг не сможет урвать ни пяди от нашей земли.

Новая Уда

По улице мчится шумная стайка ребят. Сегодня катанье на салазках, первое в этом году. На пути — маленькая полуразрушенная избушка. Когда ребята пробегают мимо, они вспоминают бабушку Ливенцову. Старая-престарая, зашла как-то бабушка в школу, долго всматривалась в портрет товарища Сталина и сказала:

— Я этого человека знаю. Еще, помню, краюху хлеба ему дала, когда он убег. Давно это было.

Потом показала ребятам старую избушку. Сказала:

— Здесь он жил тогда.

В Новую Уду товарища Сталина сослала царская власть. Отсюда он бежал, чтобы вернуться к революционной работе. 34 года прошло с тех пор. Попрежнему бежит быстрая речка Уда. Только мост, новый и крепкий, перекинулся через нее, только большая просторная школа отстроена возле старой церкви. А на церкви больше нет креста. Вместо него — красный флаг, на дверях — надпись: «Колхозный клуб».

Остров Диксон

Радиограмма.

С новым годом, ребята далекой Москвы! На острове Диксон, в Карском море, скованном льдами, среди воя пурги, в кают-компании вокруг самодельной елки из дерева и железа мы весело встретили новый год.

Каждый получил конфеты в мешочке, подарки. Мы нарядились дедом-морозом, снегурочкой, гномами и танцовали вокруг елки.

У нас сейчас полярная ночь. Утром нового года темно и светят звезды. Мы поймали лемминга — полярную мышь. Он словно пушистый комочек. Летом шерсть у него под цвет камней, а зимой он меняет окраску и становится белым, как снег, который лежит кругом.

НИНА и БОРЯ КЕДРОВЫ.

«Дайхан Бирлешик»

Сурово высятся вершины Копет-Дага.

А у предгорий высокого хребта раскинулись цветущие долины, в которых люди никогда не испытывают сильных морозов и даже не каждый год видят снег. Это самый южный уголок нашей родины — долина реки Мургаб в советской Туркмении.

От Кушки и до Байрам-Али, по всему течению Мургаба, тянутся колхозные хлопковые поля. На них и зимой не прекращается работа. В колхозе «Дайхан Бирлешик» Сталинского района уже идет поливка хлопковых полей.

Магнитогорск

У горы Магнитной дымят высокие трубы. Магнитогорский металлургический комбинат вступил в новый рабочий год. Всю ночь полыхало багровое зарево над домнами-великанами. Доменные мастера — старые, заслуженные рабочие несли почетную новогоднюю вахту.

Остров Рудольфа

На Рудольфе утро. Впрочем, надо взглянуть на часы, чтобы догадаться об этом. В окна смотрит полярная ночь, на небе загорается, гаснет и снова вспыхивает северное сияние, звезды слабо мерцают сквозь завесу его лучей. Но у зимовщиков утро — это наверняка. Новогодняя ночь уже кончилась. Она прошла за веселым товарищеским ужином. Не зря повар хлопотал по меньшей мере дня два до праздника!

В 0 часов 30 минут радист послал первую метеосводку 1939 года. А теперь он внимательно ловит в эфире быстро бегущие «точки» и «тире»: остров Диксон передает острову Рудольфа приветствия и поздравления с Большой Земли.

Гульрипши

Синее море, желтая полоса песка... Выше, вдоль ровного шоссе, выстроились в ряд тополя. Еще выше — белые строения совхоза «Ильич».

Каждый день отсюда, из Гульрипша, из совхоза, отправляют ящики оранжевых мандаринов. Но сегодня не собирают мандаринов. Рабочие совхоза отдыхают. Басом гудят бубны. Вверх и вниз, вверх и вниз—плавно движется плясовая мелодия. Старики-абхазцы с белыми башлыками, повязанными вокруг головы, облокотившись на палки, смотрят, как веселится молодежь.

Москва

Ряды высоких домов, словно крутые берега, среди которых внизу движется широкий поток людей и машин. Он шумит, этот поток, сегодня, в первый день нового года, так же весело, как он шумел вчера, как он шумит все дни в большой, молодой советской Москве.

С улицы Горького видны теперь башни Кремля. Улица расширена, перестроена, и, кажется, дома раздвинулись, чтобы дать дорогу лучам рубиновых кремлевских звезд. Тех звезд, которые светят трудящимся всего мира, о которых слагают песни угнетенные люди далеких стран.

Село Завалье

Озарив солнечным светом Красную Москву, новогоднее утро уходит на запад. Солнце восходит над Белоруссией, Украиной. И вот первыми лучами освещены уже пограничные столбы близ села Завалье Каменец-Подольской области.

В школе стоит разукрашенная елка, и ребята сходятся к ней с самого раннего утра. Они ожидают дорогих гостей — пограничников.

С пригорка можно увидеть земли двух соседних стран.

Погляди направо — Польша, погляди налево — Румыния. Там, за столбами и проволокой, видны дома, улицы, люди на улицах. Но не видно веселых лиц, не слышно веселых голосов. По ту сторону границы люди получили свои новогодние газеты и рассматривают рисунки, на которых изображены седой уходящий старик и маленький мальчик, остановившийся на пороге.

Седой старик складывает в мешок 365 голодных дней. И люди печально думают о том, что может принести для них наступающий год. Новые голодные дни? Безработицу? Войну?

...Одиннадцать часов шло новогоднее утро по Стране Счастья. Теперь оно ступает туда, за полосатые пограничные столбы, и уходит в земли нищеты, несправедливости, гнета.

Арк. Гайдар

Чук и Гек

рисунки Л. Смехова

◇ ◇ ◇

РАССКАЗ

◇ ◇ ◇

Жил человек в Сибири возле синих гор. Он много работал, а работа не убавлялась, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, спросил разрешение у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребятишками к нему в гости.

Ребятишек у него было двое: Чук и Гек.

А жили они с матерью в далеком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днем и ночью над башнями этого города сверкали красные звезды.

И, конечно, этот город назывался Москва.

★

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Геком был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загремел звонок, и они с тревогой переглянулись.

Они подумали, что пришла их мама. А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, она просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе.

А в одном часе — тик да так! — целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слезы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принес письмо.

Тогда они закричали:

— Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверно, скоро приедет.

Тут на радостях они стали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинному дивану. Потому что, хотя Москва и самый замечательный город, но когда папа вот уж целый год как не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба ее прекрасных сына, лежа на спинах, орут и колотят каблуками по стене. Да так здорово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина от стенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала. Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинки, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над ее темными бровями.

★

Всем известно, что письма бывают веселые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за ее лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась,—следовательно, письмо было веселое.

— Отец не приедет,—откладывая письмо, сказала мать. — У него осталось еще много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек глянули друг на друга. Письмо оказалось самым, что ни на есть, распечальным.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

— Он не приедет,—продолжала мать,— но он зовет нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

— Он чудак человек! — вздохнула мать. — Хорошо сказать в гости, будто бы это сел на трамвай и поехал.

— Да, да! — быстро подхватил Чук.— Раз он зовет, то мы сядем и поедем.

— Ты глупый! — сказала мать. — Туда ехать тысячу и еще тысячу километров поездом. А потом в санях лошадьми, через тайгу. А в тайге наткнешься на волка или на медведя. И что это за странная затея? Вы только подумайте сами.

— Гей-гей! — Чук и Гек не думали и полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, все их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих, завертела и свалила на диван.

— Знайте! — она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что веселый у нее был характер.

★

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже.

Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножика, а Гек разыскал гладкую палку, забил в нее гвоздь, и получилась пика до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Привесили второй замок к двери. Вытряхнули из шкафа и с полок остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

Но тут без нее у Чука с Геком получилась ссора.

Ах! Если бы только знали они, до какой беды доведет их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились.

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от упаковки чая, конфетные обертки, если там был нарисован танк, самолет или красноармеец, галочиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и еще всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук возился на кухне, перебирая свою коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошел почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошел узнать, почему это Гек уже не поет песни, а кричит:

— Ура! Ура! Ура!

— Эй! Бей! Турумбей!

Чук приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела, вся истыканная пикой, разлохмаченная газета. И это ничего. Но проклятый Гек вообразил, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в желтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранились сигнальная жестяная дула, три цветных значка от октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберег в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пику, переломил ее о колено и швырнул на пол.

Но как ястреб хватает птенца из-под носа зазевавшейся курицы, так и Гек выхватил из рук Чука его металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорбленный Чук и с криком: «Телеграмма, телеграмма!» в одном пальто, без калош и шапки выскочил за дверь.

Почуяв неладное, вслед за Чуком понесся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала еще никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и ее утянул какой-нибудь прохожий, но, так или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадет им от матери обоим. Но так как Чуку было шесть лет и он был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

— Знаешь, Гек, а что если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь — телеграмма. Нам и без телеграммы весело.

— Врать нельзя, — вздохнул Гек. — Мама за вранье всегда еще хуже сердится.

— А мы не будем врать, — радостно воскликнул Чук, — если она спросит, где телеграмма, мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперед выскакивать? Мы не выскочки.

— Ладно, — согласился Гек. — Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но все же она сразу заметила, что у ее дорогих сыновей лица печальны, а глаза заплаканы.

— Отвечайте, — отряхиваясь от снега, спросила мать,— из-за чего без меня была драка.

— Драки не было, — отозвался Чук.

— Не было, — подтвердил Гек. — Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

— Очень я люблю такое раздумье, — сказала мать. Она разделась, села на диван и показала им твердые зеленые билеты. Один билет большой, а два маленьких.

Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, а поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали. Но так как поезд уходил очень поздно, то сквозь черные окна Чук и Гек при от'езде ничего интересного не увидели.

Ночью Гек проснулся, чтобы напиться. Лампочка на потолке была потушена, однако все вокруг Гека было озарено голубым светом. И вздрагивающий стакан на покрытом салфеткой столике, и желтый апельсин, который казался теперь зеленоватым, и лицо мамы, которая, покачиваясь, спала крепко, крепко. Через снежное узорное окно вагона Гек увидел луну, да такую огромную, какой в Москве и не бывает. И тогда он решил, что поезд уже мчится по высоким горам, откуда до луны ближе.

(Продолжение следует)

Вчера поздно ночью в редакцию прибежал наш знакомый чудак-фотограф.

— Посмотрите,— закричал он,— какой замечательный снимок! Мне удалось запечатлеть малыша, который летел над городом на воздушном шаре. Это было ровно в 12 часов ночи. Нет сомнения, что этот маленький воздухоплаватель был не кто иной, как новый, 1939 год, описывавший приветственный круг над столицей.

Мы, конечно, не поверили чудаку и догадались, что это очередной фокус изобретательного фотографа. Но снимок так всем понравился, что решили его поместить в газете. Попробуйте догадаться, каким образом наш фотограф сделал этот снимок.

СПАСИБО, РЕБЯТА, ЗА ДРУЖБУ!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогие ребята! Я получил много писем. Мне очень хочется всем ответить, а так как сразу это сделать невозможно, я через нашу «Пионерскую правду» приношу всем товарищам горячую благодарность.

Мой папа очень любил ребят и хотел, чтобы все учились на «отлично».

Папа больше всего на свете любил родину, народ и нашего любимого товарища Сталина, который дал нам счастливую жизнь. Я буду учиться на «отлично», жить и работать, как мой папа.

Я знаю, что все ребята Советского Союза будут верными сынами родины, и мы все вместе оправдаем надежды товарища Сталина.

Спасибо, дорогие ребята, за дружбу.

ИГОРЬ ЧКАЛОВ.

Москва.

РЕБУС

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

Прислал МИША СТЕПАНОВ (Омск).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Наш адрес: Москва, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24 (5-й этаж), редакция «Пионерской правды».
Телефоны для справок — Д 3-33-29; секретариат — Д 3-33-25, отдел писем — Д 3-33-78, отдел информации — Д 3-33-79, отделы школы и пионеров — Д 3-33-24.

Уполномоченный Главлита № Б—1052. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 58.